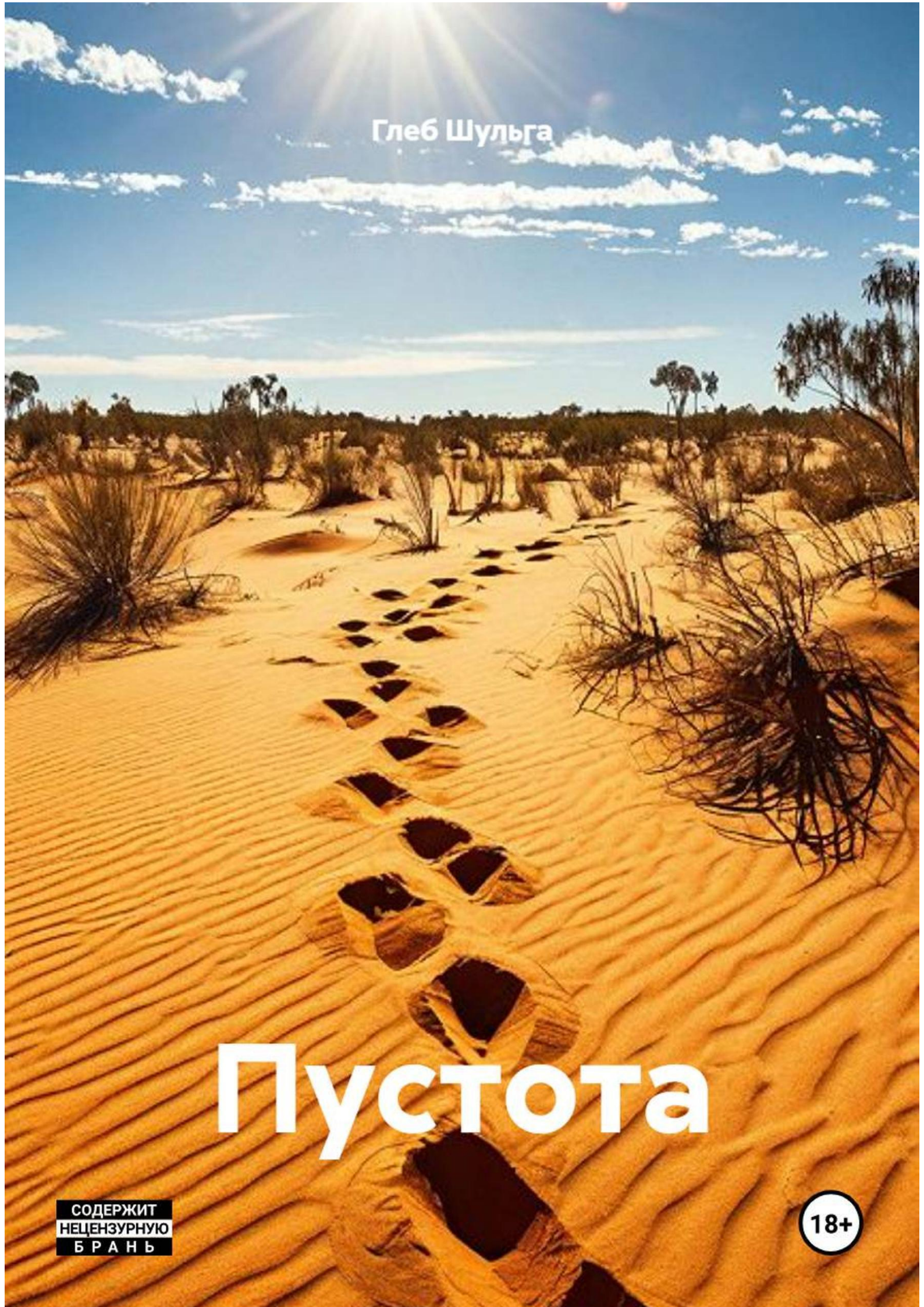

Глеб Шульга

Пустота

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Глеб Шульга

Пустота

«Автор»

2026

Шульга Г.

Пустота / Г. Шульга — «Автор», 2026

Кое что о пустоте, внутри и снаружи. Молодой учёный разрабатывает препарат для распознавания лжи, но не добравшись до ожидаемых лавров его разработки тонут в коррупционно-бюрократической машине. Это толкает его на весьма сомнительную авантюру.

© Шульга Г., 2026

© Автор, 2026

Глеб Шульга

Пустота

Пустота

Погребальный обряд парсов

Солнце светило настолько ярко, что даже полностью закрыв глаза вместо привычной угольной пустоты виделось что-то тёплое, ржавое, вроде как слишком крепкий чай с ложкой облепихового варенья. Я открыл глаза, вернувшись к бликующей, вечно искажающейся пустыне, которая с виду казалась бескрайней (на счастье рассудок тут же опровергал это заблуждение, иначе на кой чёрт мне бы вообще открывать глаза).

Остатки отмершей сетчатки отходили с глаз, а парой метров правее лежал Владимир, и тоже отходил, впрочем много дальше. Не скажу в точности куда - наше знакомство было вынужденным и не столь близким, что не подразумевает обсуждения теологических вопросов - в любом случае я наконец остался один. Никогда не видел ничего плохого в одиночестве и, хотя сам никогда к нему не стремился - местами без него всё же не обойтись. И оно уж наверняка предпочтительнее компании Владимира, который едва ли смог бы замолчать без моей помощи даже на собственных похоронах, впрочем, теперь уже не проверишь. Я не горел желанием его хоронить, а если и был такой человек - он находился настолько далеко, насколько это вообще возможно. Да и запасов воды мне едва ли хватит до ближайшего её источника, знать бы ещё где он. Какое уж тут погребение...

Оставил тело прямо у подножия бархана, с наветренной стороны. Красивый цвет, замечательный. Пройди я всю пустыню от края до края (а возможно, так оно и случится) не пере стану восхищаться здешним песком. Всю квартиру бы в этот цвет выкрасил, но опасался, что гости сочли бы меня психопатом. И были бы правы, как оказалось, да и не будет теперь у меня никаких гостей. Стоит упомянуть и небо - никогда я не видел такого глубокого, такого насыщенного синего. Если бы и ум мой был столь глубоким - вряд ли я бы сейчас на него любовался, но как говорят "если у бабки был бы"... Глупость. А чего ещё ожидать от иссохшего в этом пекле мозга?

Разум вообще интересная штука, мой так в особенности - будучи неспособным сейчас ни на одну здравую мысль - всё же пытается найти компромисс с совестью. Оправдаться перед человеком, лишенным жизни, вместо того чтобы заняться спасением собственной: то говорит мне, что лучшего места встретить свою кончину и представить нельзя, то напоминает о погребальном обряде парсов. Опять глупость. Если лгать себе истово, лгать долго и с достаточным прилежанием - мысль, что пустыня Австралии(какая?) прельщала Владимира хотя бы и на малую толику от того, насколько восхищала меня, ещё могла проскочить в голову и пустить корни, то даже в наркотическом бреду невозможно предположить, что он был парсом. Парсы. За время нашего недолгого знакомства я, кажется, говорил ему о них, спасаясь от его нескончаемых глупостей. Ему нравилось меня слушать, хотя готов спорить, он не обременял себя попытками понять хоть что-нибудь из того что я говорил. А может радовался и не он, а единственно его язык редкой возможности отдохнуть.

Парсы. Наткнулся на них в какой то книге... "Монте-Кристо"?.. не помню. Не важно. Любое незнакомое слово вызывает в моей голове сильный, почти осязаемый зуд, и чтобы его унять я незамедлительно навёл справки. Не нашёл в их конфессии ничего интересного, но вот погребальный обряд привлёк моё внимание. Вполне объяснимо. Кто-то считает что культура загробной жизни стоит у истоков цивилизации. Не лишено смысла. Даже много разумнее, ска-

жем, идеи вечного противоборства культуры с Эросом и Танатосом, активно продвигаемой одним известным австрийским воришкой.

Авеста объявляет тело усопшего "нечистым", и настрого запрещает осквернять им огонь или землю, потому тело относят в Дахму - так называемую "башню молчания", лишённую потолка или свода, оставляя плоть на съедение птицам, а кости на истление солнцу.

Соединив в голове образ Владимира и словосочетание "башня молчания" я долго не мог унять смех, да я и не старался: может рассудок мой и покачнулся, но не так велика амплитуда, чтобы сдерживать смех перед чёрным коршуном, терпеливо парящим в небе. Наверняка ждёт randevu с моим бывшим компаньоном. И хотя на мой взгляд тело Владимира способно осквернить собой не только огонь или землю, но даже желудок падальщика, я не стал отговаривать птицу (не так велика). Красивая птица, даже величественная, хотя и падальщик... Хотя? Если задуматься - почти все люди падальщики, и никаких метафор - сколько потребителей мяса приходится на одного охотника, или хотя бы забойщика?

Сперва я думал что тело засыпет песком, но удивлявший меня штиль, да этот коршун в придачу вполне могли сделать из Владимира парса, пускай и посмертно. Я злорадно ухмыльнулся, и тут резко первая, неожиданно объявившаяся здравая мысль сбила ухмылку с моего рдеющего лица: Тут не убийца измывается над жертвой, не психопат блуждает в своих мыслях.

Первое блюдо потешается над вторым.

Позолота серебряного подноса

Всё началось с обезьяны. дань уважения Ламарку? Хотя нет. Не так - зайдём совсем с другой стороны.

Всё началось с церкви. С уныло плывущего грузного служителя с серебряным подносом. Отчего-то я хорошо запомнил его лицо: отсутствующее, отрешённое, и при всей своей полноте и холёности даже будто бы измученное. Человек верующий мог даже предположить в этом лице некоторую благодать. Однако то, как жеманно и живо оно могло вдруг сконфузиться и как бы вмиг спуститься к нам, грешным, чуть только новая купюра касалась его подноса не оставляло такой мысли ни единого шанса. Хотя в церквях и не существует шёпота, который всегда бывает гоним из её стен пением хора (в редкие же секунды затишья акустика производит его в средние тона), я всё же смог воспроизвести нечто похожее и осведомился "куда же деньги с подноса?".

Ответ отца немало меня удивил: сама мысль, что столько денег будет пущено на позолоту и без того золотых куполов была тотчас же переплавлена в моём детском сознании в резкое возражение и выплеснута наружу. Ни о каком шёпоте уже не могло быть и речи.

Если какое воспоминание и способно безвозвратно покинуть нашу память - то уж ни в коем случае не по собственной своей прихоти, разве что волей хорошего хирурга или, скажем, плохого водителя. Но ответ отца в тот день словно сделал для себя исключение. Ни слова. Ни даже очертания слов, как ни старайся. Зато за впечатлением от того дня далеко ходить не приходится: в полсекунды само всплывает, да так что и отгонишь его не всегда. Я и раньше ни в коей мере не умиротворялся церковью с её иссохшими лицами и отсыревшими стенами, но дело было не в них, не в затёкших ногах и даже не в нескончаемом, по счёту ребёнка, безмолвном и бессмысленном служении.

Дело именно в том послекусии, которое под руку сопровождает тебя домой, непрошено угостившись на какое то время по приезду, сообщая медленно, нараспев о том, что тебя обманули.

Обезьяна была много позже, около восьми лет назад. В те дни я не кончил ещё институт, наградивший меня в довесок к диплому миопией и почти что клеточным отторжением любого рода семинаров и лекций. В тот момент я как раз разменивал вечер на одну из них. Удобно расположившись в своей панельной коробке я упрямо, сквозь сон, смотрел в цифровую, даже

не рассчитывая что хотя бы один фрагмент лекции останется в коробке черепной. Смотрел из какой-то неизъяснимой, беспричинной вредности, будто бы назло собственным векам. Лектором был с виду типичный, карикатурный даже профессор в пограничных очках, разделяющих верхнего Маркса и нижнего Энгельса, сочетающихся в его лице. Этаким коммунистический отец-вседержатель. В известных странах, вооружившись своей наружностью и парой незамысловатых слоганов в одночасье увлёк бы за собой весь "трудовой народ" без остатка, но предпочёл увлекать Стэнфордских студентов лекцией по генетике поведения, что, нужно отметить, прекрасно ему удавалось. Я и сам бы увлёкся, да вот день меня исчерпал.

И тут кустистое лицо учёного заговорило об одном из аспектов сотрудничества, разом захватившем всё моё внимание. Едва не успев завлечь с собою мой утомлённый разум, сон был вынужден вернуться в своё царство в досадном одиночестве. Говорилось о распознавании лжи внутри группы особей, со всеми её дивидендами и возможными санкциями, которых, к слову, куда больше. Уж в этом вопросе даже колонии бактерий удалось нас обойти - всего раз обувшие её соседи, при всём своём красноречии не станут даже пытаться рассказывать про досадную случайность, недопонимания, о том как же никогда этого больше не повторится и прочие людские деликатесы, так истово нами поглощаемые. Простейший организм простейшим образом сбивает с наших голов венец творения. Именно своей простотой. Что же, играем тем, что на руках - будем парировать их простоту своей сложностью. И хотя некоторые из нас будут без конца обеспечивать завсегдатаев вокзала их "билетом на автобус", который чудесным образом привозит их на ту же самую лавочку в какие-нибудь десять минут, да ещё изрядно выпивших, есть и другие. Уж они то отличат такого путешественника с ружейного выстрела, даже до самой первой его поездочки. Ужимками, блужданием глаз, а то и голоском одним управятся. Кол Лайтман мира сего, и никак не меньше. Но ведь не каждый, совсем даже не каждый. У редких счастливых повсеместная ложь вызывает аллергию, остальные вынуждены "довольствоваться" крепким желудком.

Я закрыл ноутбук, закрыл глаза и, откинувшись на подушку, бережно стал собирать свои мысли. Это вроде жонглирования: уронишь одну - тут же посыпятся остальные, что и поднимать уже бессмысленно. Для начала успокоиться. Сконцентрироваться, замедлиться и ловить по одной в ту руку, что половчее. А думал я вот о чём: возьмём определённую часть людей, для которых универсальный ключ - любопытство, а не железка в мозолистой руке автомеханика. Этим самым ключом эти самые люди смогли открыть многое - от таких обширных пространств до столь незримых миров, что уже всюду наострили кисти свои для пары финальных мазков. А то, о чём говорил учёный явно нуждалось в некоторой доработке.

Ничего глобального. Ничего необратимого. В скважину молекулярной генетики, по моему мнению, этот ключ вставлять рано, если вообще нужно. Говоря простым языком - инъекции одного вещества повысят концентрацию нужных аминокислот. Кажется, что то похожее уже пытались в восточной Европе, только спектр действия был поуже... Точно - в Хорватии. Вспомнилась война с Югославией, ранний Кустурица, колонии бактерий, какие-то малозначимые детали этого дня. Все они завертелись вокруг серебряного подноса по своей произвольной орбите. Я уснул.

Проснувшись, я почувствовал прилив сил, какое-то даже воодушевление, что совершенно мне не свойственно, и хотя остатки сна и исчезли из моей памяти задолго до полного пробуждения - ни одна из идей не покинула моей головы, что лишь укрепило меня в намерениях. Отчётливо помню, что тогда одна лишь идея мной двигала, и мне хватало глупости считать это стремлением помочь людям, даже, возможно, альтруизмом. На мой взгляд альтруизма не существует, точно не между людьми. Конечно же существуют волонтеры, Красный крест, Никола, в конце концов, Тесла, но разве пошевелил бы кто-нибудь из них пальцем, не получая тщеславного наслаждения от осознания, и именно осознания того что Он делает это, и как же хорошо делает, и как всё это важно? Какое уж "возможно, в ущерб себе", да и "благо других"

здесь второстепенно. Впрочем Теслу сюда не присовокупить - такие всё же питают удовольствие самим процессом, результатом трудов своих. Эти люди вызывают куда больше уважения. Всегда завидовал. Никогда не встречал.

Прошло десять лет, за которые мои тогдашние мотивы успели обернуть полный круг и объявиться уже с банальной, однако подкупающей своей простотой и честностью, жадной личной выгоды. И если путь моих принципов имел хотя бы понятную траекторию, сам я где только не мотался за эти годы: То грезил каким-то призванием, то наострял внимание на поиски больших денег малыми силами, почти даже женился однажды, но всё плавно сходило на нет, сменяясь всё новым и новым мытарством. Не будем об этом. Ни к чему. Всякому это знакомо - переменные разные, структура сходная, сумма, считай, одна и та же. Вот и не будем. Так или иначе - идея обрела форму, и в бумажной плоскости теорий и наработок препарат твёрдо встал на ноги. Дело теперь было за малым: за материальным, в коем смысле и пользуют в основном теперь это слово - нужны были деньги.

Сослагательные наклонения

Даже не знаю, что же прикончит меня вперёд: уж в чём, а в способах умереть тут нет недостатка. Прямо таки настоящая регата между Хоронами, хотя и без капли воды. По первому взгляду пустыня и есть вереница способов отдать богу душу. Это, конечно, если допустить что есть душа, и есть тот, кто возьмёт. А чувствуя, что конец близок, допускать начинают все. Оттого с начала столетия и покрывается Россия церквями, подобно тому как Токайская лоза покрывается плесенью: планомерно и необратимо.

Я сверился со своими мыслями и, к своему удивлению, обнаружил что всё ещё не уверовал. Значит ещё не близко. Ну, по крайней мере, не совсем.

А мне здесь нравится. Жестковато конечно... но порядок. Никаких тебе условностей, никаких излишков. Никакой пустой болтовни и бесцельных променадов (разве что мой собственный). В условиях дефицита всё обретает смысл и подчиняется логике: всё по делу и все при делах. Энергия добывается с таким трудом, и, будучи добытой, тотчас пускается на добычу новой - глаз радуется. Идеальная система. А главное - контраст. Всю жизнь прожил там, где все мечутся, несутся, очертя голову, столько пустых презентаций с песнями и плясками. А взглядишься - поломанные мыши в неустанном колесе: кто бежит, кто палку вставляет, а кто и там и там преуспел. То ли дело - пустыня. Будто и нет в ней никого и блуждают лишь ты да твои мысли. Но на деле всё ждёт, замерло, прекрасное в своей алертности. И никто не сетует о своём бедственном положении, не размышляет. А коль начнёт - в нём и окажется сию секунду. Никто не сетует. Вот и я не стану.

Каждый шаг давался всё тяжелее, но это только сначала, пока отягощён надеждами. Теперь же я просто плыл, даже не ощущая мягкого переката песчинок под ногами. Не беспокоила и жара, даже мысли о воде затерялись в сонме других.

Я немного слухавил, сказав что оставил надежды. Скорее на смену наивно-оптимистичным пришли более рациональные. Слышал о змее, яд которой управится меньше, чем за час. Жаль совсем неагрессивна. Придётся спровоцировать - будет неловко, но теперь не до любезностей. Знаю и другую из здешних змей - её упрашивать не придётся, да только ждать дольше... Насколько помню, она питается себе подобными. Насколько помню - не только она здесь таким промышляет.

Человек вообще склонен к сослагательным наклонениям. У последних есть кое-что общее с религией: чем бедственнее положение - тем чаще к ним обращаются. А куда уж бедственнее - забытый кусочек мяса, что тлеет на сковороде, оставленной на плите, вовек никем

не тушимой. Могло быть метафорой. Но вот нашёлся же умник, сделавший из кварца посуду, а из моего сравнения - суровую реальность.

Не отвлекаться - сослагательные наклонения. Моё краеугольное "если бы" прозвучало вкрадчивым и как бы даже сочувствующим баритоном из уст моего научрука.

- Сам ведь всё понимаешь.

И я понимал. Я даже с облегчением улыбался тому, как пройдя все "нужные" инстанции, в горячей схватке с человеческой жадностью в моём семизначном гранте подтаяла пара нулей. Весь проект, от первых неловких набросков до самой подачи заявки прошёл будто бы в трансе. Пролетел шаром невезучего игрока, аккуратно обойдя все оставшиеся кегли разумных предосторожностей и здравого смысла. И вот, отправив заявку на конкурс, я бессознательно отослал с ней и свой бездумный порыв исследователя, и слепой энтузиазм творца. Их месту не долго суждено было пустовать - не давая ему остыть, подобно сварливой, обвитой пакетами старухе угнездился на нём вопрос "в своём ли ты уме?" Колоритный вопрос - взгляду не оторвать. Хороша и поклажа - тюк паранойи, вязанка страха, заплечный мешок рухнувших разом надежд и полная тележка (куда без неё) эскизов твоей незавидной участи.

Попросить денег. У государства. На препарат для распознавания лжи. Есть ещё идеи? Может пройдёмся по лесу с двуручной пилой, предлагая вторую рукоять встречным белкам? Лучше бы так. А может и вправду пройтись? Нет, уже поздновато - из того болота в котором я увяз на одной недееспособности уже не выехать. И много было в моём гипотетическом болоте: мужчины в похоронного типа костюмах с не менее похоронными лицами. Узкие кабинеты, серые стены в целом и одна в частности, к которой меня "вежливо попросят".

Теперь легко представить моё облегчение. Идея, которую я возвёл уже в вершители собственной участи. Идея, нависшая надо мной необратимым роком, возвеличившись быстрее Юлия Цезаря на закате былой эры, подобно Цезарю же иссякла. Была заколота нашими "сенаторами" местного пошиба, за той лишь разницей, что каждый из них забрал свой нож, прихватив и кое-что ещё...

- Конечно понимаю, Сергей Викторович. - Сказал я с неожиданно радушной улыбкой. Его видимо удивила моя реакция, на мгновение он даже замешкался, но видно было как смущение в его взгляде сдавало наряд облегчению. Хороший он, всё таки, мужик. Каждый раз, когда он сообщал подобную новость, в нём угадывалась такая печаль, и думалось даже, что к своему куску пирога он не притрагивался. Я бы даже сказал, я был в этом уверен. Впрочем, к тому, какой я искусник в чтении людей мы непременно ещё вернёмся. Сейчас не об этом. И не о Сергее Викторовиче с его грустными собачьими глазами. Сейчас именно про его "Сам ведь всё понимаешь". Читай: Твои усилия накормят тех, кто к ним руки не приложил, чью руку ты не жал и кто свою тебе б не протянул. Вот тут то моё минутное облегчение сменилось осознанием того, зачем на самом деле я занимался всем этим. Быстро забылся вышеупомянутый альтруизм, притязания на продвижение науки, даже тот поп с серебряным подносом, подобрав ряску, выскочил тут же из моей головы. Обман не победить, не искоренить парой капсул один раз в сутки во время еды. И людям я помогать не хотел, и они не хотели, чтобы им помогли. Я был той самой мышью, бегущей в колесе, хотя и не желал себе в этом признаться. Хватит. Я хочу деньги, за всё, что я вложил. Хватит колеса.

Я понимал, что говорил Викторович, но согласиться не мог. Я получу своё. Найду способ и получу. И вот здесь то настало время нам вернуться к Владимиру. А то лежит там себе, прохлаждается. Ха-ха.

Мал златник, да и всё тут

Владимир - совсем неподходящее для него имя. Сразу приходит на ум что-то крупное, значимое: великий князь или, по крайности, город, что шло в разрез со всем его существом.

Был он невысокого роста и полёта, лыс, сухощав, и вдобавок абсолютно бесцветен, как и его серый, в бледно-синюю полоску, галстук. Не разбираюсь в галстуках - последний носил ещё в школе, общим счётом не больше недели, но мне всегда казалось что галстук - это приятный вид из окна кабинета мрачного и регламентированного делового образа. Этакая лазейка, кусочек цветной плёнки на катушке корпоративного негатива. Возможность проявить себя перед коллегами, или, если на них наплевать, хотя бы перед собственным отражением. И что можно заключить о человеке, из чьего кабинета "окно" ведёт в точно такой же серый безжизненный кабинет? Что весь материк его сущности - посредственность, граничащая с опасениями, да несколько заливов страха, где суша всесторонне омывается бескрайним океаном человеческой глупости. Надежду на хоть какую-нибудь живость в нём внушал густой лакированный загар, но вот рукопожатие тут же развеивало любые догадки насчёт активного отдыха, парусного, допустим, спорта или экспедиций. Такими пальцами бы по клавишам рояля, а не по рукам заскучавших на конференциях, стоящих особняком учёных. Но получилось как получилось.

Кое-что всё таки меня в нём испугало, и не тем страхом, что заставляет одёрнуть руку при пожатии, но тем, который самую душу гонит из тела вон. Страхом глубинным и первозданным. Его улыбка... Самая обычная, идущая как бы в довесок к профессии улыбка коммивояжёра, стоящего в дверном проёме и неумолимо расписывающего неиссякаемые достоинства его новой модели пылесоса, которая во что бы то ни было должна стать вашей и только вашей и с ума все сойдут а сам мир сгинет к чёрту если не случится того. Пугала именно искренность этой улыбки. Его неподдельная вера в то, что всё отлично, при том что каждая деталь и мелочь говорила об обратном: от выдавших виды стоптанных туфель до заискивания в каждом его слове и жесте, и даже малейшем движении мимических мышц. Видимой попытки ухватиться за любой шанс и боязни упустить оный.

Саму жизнь не переиграть. Ни искуснейший из кукольников, ни один из титанов кинематографа на полшага не приблизился к такому воспроизведению "эффекта зловещей долины", как сорокалетний неудачливый торговый представитель в дрянном костюме, совершенно к тому не стремившийся.

После я много раз пытался понять, почему я выбрал именно его: Первое - спешка. Вот это "Сам всё понимаешь" вообще сильно подкосило мою выдержку. Второе - отсутствие самого выбора. Когда круг моих знакомств намеревался расшириться - я злостно сторожил с рулеткой в руках, не уступая ни дюйма в радиусе, а "дельцам" вроде этого путь в него и вовсе был заказан. И последнее (дёрнул же чёрт) - я убедил себя в том, что наше с ним знакомство не случайно.

С самого детства посмеивался над друзьями, прибегавшими с этой неистребимой идеей "материальных мыслей", захватив с собой уйму примеров. В детстве это примеры из жизни других людей, как правило именно тех, кто поделился этой идеей, но с возрастом их сменяют уже другие, воплощённые "вселенной" собственные мысли. Именно: с возрастом. Никто не считает сколько всего мыслей было передуманно до первой "материализовавшейся", сколько до следующей, сколько замеченных падающих звёзд упало бестолку? Возьмём бумажки с желаниями, у которых на рубеже каждого года случается настоящий геноцид под бой курантов: их жгут, их топят в бокалах шампанского, под занавес отправляют в закулисы желудка. У меня всего два варианта: Или все на свете загадывают лёгкое понижение кислотности желудка, или бумажки гибнут почём зря. Сами решайте, какой выбрать. И всё же популяция этих желанных клочков бумаги продолжает неумолимо сокращаться, при том что частота исполняемых желаний сравнима, скажем, с частотой рождения альбиносов. Раз бумажки, вопреки этому, продолжают глотаться, отчего не возвести в стандарт рождение альбиносов, не обращая внимания на поголовное рождение людей с нормальной выработкой меланина? Всё просто: альбинос абстрактен, он где-то там, далеко, вне поле нашего зрения, в то время как сбывшееся желание - личное. Пожалуй даже что самое что ни на есть личное, раз уж его, закусив целлюлозой, всегда умалчивают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.